

---

## Преступные формирования, созданные на этнической основе, их структура, состав и связи, способы противодействия расследованию

---

**В.Г. Рубцов**

Рассмотрены особенности преступных формирований, созданных на этнической основе, их состава и структуры, их отношений с соответствующей диаспорой, страной происхождения и титульным этносом, с местными и зарубежными криминальными лидерами. Подчеркивается важность общности языка, культуры и традиций, родственных и земляческих связей, обеспечивающих сплоченность группы и ее повышенную устойчивость к внешним воздействиям. Показана сложность организации «этнических» преступных групп, состоящих из нескольких функциональных звеньев (контролирующее, физической защиты, легализации доходов) и уровней иерархии (лидеры, активные члены группировки, рядовые исполнители), включающих представителей как определенной диаспоры, так и титульного этноса (в том числе коррумпированных должностных лиц). Описаны специфические для этих групп приемы противодействия следствию и меры борьбы с ними.

*Ключевые слова:* этнические мигранты, диаспоры, титульный этнос, организованные преступные формирования, этнические стереотипы, клановые закрытые общества, руководящее звено, контролирующее звено, звено физической защиты, звено легализации преступных доходов, родственные связи, земляческие связи, территориальные криминальные лидеры, сокрытие информации, противодействие расследованию.

Специалисты в области демографии прогнозируют до 2016 г. рост населения России лишь в Москве, Калмыкии, Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Республике Алтай, Усть-Ордынском Бурятском автономном округе [7]. Согласно прогнозу ООН, численность основного населения большинства европейских стран, включая Россию, до 2050 г. сократится на 25–30% [4]. В такой демографической ситуации неизбежна замещающая миграция трудоспособного населения из стран Азии и Африки, а также из внутренних национально-территориальных образований.

Исследования отечественных и зарубежных криминологов убедительно показывают, что мигранты, особенно этнические, являются одной из наиболее криминогенных социальных групп. Чаще всего такие лица вовлекаются не в уличную преступность, а в крупные организованные преступные формирования [1, 2, 5, 8]. По имеющимся у нас данным, доля уголовных дел в отношении членов преступных формирований, организованных на этнической основе, составляет 14–21% всех уголовных дел в отношении членов организованных преступных групп и преступных сообществ<sup>1</sup>.

Заметим, что наибольшую криминальную активность проявляют не этнические мигранты в первом поколении, а те, которые выросли в стране пребывания, но не ассимилировались с титульным этносом и придерживаются

---

<sup>1</sup> Использованы материалы информационных центров МВД России в Алтайском и Хабаровском краях, Ленинградской, Нижегородской, Омской, Томской областях, г. Санкт-Петербурге за 1999–2008 гг.

этнических стереотипов поведения [8]. Хорошо известна, в частности, высокая криминальная активность представителей цыганской диаспоры, большая часть которой, формально не относясь к мигрантам, на протяжении столетий не ассимилируется ни с одной из этнических групп в стране проживания. Не менее известен и тот факт, что в последние десятилетия лидерами российско-го криминального сообщества все чаще являются выходцы с Северного Кавказа и Закавказья.

Очевидно, что расследование преступлений, совершенных участниками формирований, организованных на этнической основе, не может быть эффективным без понимания закономерностей их функционирования. Структура, состав и связи таких формирований отражают наиболее важные особенности их деятельности.

К особенностям структуры и состава рассматриваемых формирований специалисты относят:

- их закрытый характер, затрудняющий доступ в них представителей других этнических групп;
- высокую сопротивляемость внешним воздействиям (как правоохранительному, так и криминальному);
- повышенные жизнестойкость и потенциал, обусловленные, кроме общих корыстных интересов, национальной общностью;
- использование языковых барьеров и этнопсихологических особенностей для создания клановых закрытых обществ со своей иерархией и традициями;
- высокую устойчивость сложившихся преступных групп [3, с. 26].

И.Л. Хромов отмечает, что большинство членов каждого из таких преступных формирований ранее проживали в одной местности и часто были знакомы длительное время; в них обычно сильны родовые и земляческие отношения [9, с. 83–84]. Согласно исследованиям О.Н. Смирновой, в 70% этих групп их члены имели земляческие связи, в 65% – родственные, в 83% – разделяли общие религиозные взгляды, в 15% – были мигрантами из одной страны [6, с. 15, 18]. В.Г. Гриб, С.А. Ныриков, М.В. Сунцов и А.И. Федотов предложили классифицировать данные формирований по принципу гражданства их участников: граждане России, стран ближнего зарубежья, стран дальнего зарубежья [3, с. 22].

Наше исследование, однако, показало, что 22% преступных формирований, организованных на этнической основе, имели в своем составе как граждан России, так и иностранных граждан, в том числе 4% – лиц без гражданства<sup>2</sup>. Кроме того, некоторые этносы (ассирийцы, курды, таджики, уйгуры и др.) исторически были разделены границами нескольких государств; их представители в составе одного формирования могут быть и гражданами России, и иностранцами. К тому же гражданская принадлежность, в отличие

<sup>2</sup> Эти данные получены по материалам 151 уголовного дела в отношении 381 члена преступных формирований, организованных на этнической основе; был опрошен 131 сотрудник следственных и оперативных подразделений, принимавших участие в расследовании таких дел.

от этнической, признак нестабильный. Как отмечают сами авторы указанной классификации, члены преступных формирований для получения российского гражданства часто используют фиктивные браки и смену национальных фамилий на славянские [3, с. 21].

Целесообразно, на наш взгляд, различать по этническому составу следующие разновидности рассматриваемых формирований:

- *моноэтнические*, включающие представителей только одной диаспоры (46% всех исследованных нами групп);
- *полиэтнические родственные*, члены которых относятся к родственным в этнокультурном отношении диаспорам (5%);
- *полиэтнические неродственные*, включающие представителей различных диаспор (7%);
- *смешанные*, сочетающие представителей диаспор и титульного этноса (42%)<sup>3</sup>.

Из представителей титульного этноса в состав таких формирований чаще всего вовлекаются лица, ранее проживавшие в странах ближнего зарубежья либо имеющие некриминальные (родственные, семейные, деловые) отношения с представителями соответствующих диаспор, а также разного рода маргинальные элементы – алкоголики, наркоманы, лица без определенного места жительства. В некоторых смешанных формированиях число представителей титульного этноса может даже превышать численность их этнического ядра.

Примером может служить уголовное дело в отношении С., представительницы цыганской диаспоры, занимавшейся сбытом наркотиков. На момент расследования два ее сына находились в местах лишения свободы, еще один был фактически недееспособен в связи с длительной наркотической зависимостью. Все ее точки сбыта контролировались тремя невестками, русскими по рождению, и лишь одной цыганкой – ее племянницей. Позднее Р., одна из невесток С., устранила эту племянницу, выдав ее сотрудникам милиции, и на основе прежней преступной группы создала новую, включив в нее коррумпированных оперативных сотрудников. Несколько лет она возглавляла группу, пока не погибла в ходе одного из криминальных конфликтов<sup>4</sup>.

В период лидерства Р. в группе состоял лишь один этнический цыган – ее муж-наркоман, который фактически отстранился от участия в ее деятельности, и более десятка (с учетом рядовых исполнителей) представителей других национальностей, в основном русских. Однако группа, руководимая Р., во-первых, продолжала оставаться в составе международного криминального

<sup>3</sup> Под титульным этносом в этнографии, этнологии и ряде других наук понимают этническую группу, обладающую на определенной территории. В отличие от автохтонного титульный этнос могут составлять переселенцы. Например, выходцы из различных стран Европы относятся в США к титульному, а представители индейских племен – к автохтонным этносам.

<sup>4</sup> Данные уголовных дел № 61836, 61368 за 2002 г. из архива Железнодорожного районного суда г. Барнаула (находились в производстве у автора статьи).

сообщества «Жилки» (его лидеры и активные члены – цыгане, выходцы из Казахстана); во-вторых, деятельность группы основывалась на криминальных связях С. и ее сыновей, хотя и отстраненных от активной деятельности, но все же остававшихся в составе сообщества; в-третьих, Р. и две другие невестки С. в значительной степени идентифицировали себя с представителями цыганского этноса – они демонстрировали поведение, присущее цыганам, особую манеру общения, стиль одежды, свободно говорили по-цыгански. Отличить их от «этнически чистых» цыган было практически невозможно, и цыганское преступное сообщество, в свою очередь, принимало их как «своих».

Аналогичным образом были организованы некоторые из так называемых «кавказских преступных сообществ», занимавшихся сбытом фальсифицированной алкогольной продукции. Единственное отличие состояло в том, что ядро в них чаще формировалось не по клановому, а по земляческому принципу. Так, в 2001 г. сотрудниками УБОП при ГУВД Алтайского края была ликвидирована организованная преступная группа, активные члены которой (7 азербайджанцев) осуществляли контрабандные перевозки спирта из Казахстана, который затем нелегально продавали 13 постоянно входящих в состав группы русских женщин<sup>5</sup>.

Подавляющее большинство (90%) изученных нами формирований имело трехзвенную структуру: лидеры – контролирующее звено – рядовые исполнители. Подразделения физической защиты были в 67% из них, звено легализации преступных доходов – в 80%. В каждом четвертом формировании руководство осуществляла группа лидеров (в 60% – одной, в 40% – разных этнических групп).

Контролирующие звенья в таких формированиях почти всегда создаются из представителей какой-либо одной этнической группы (в 20% случаев – из русских). Большинство звеньев легализации преступных доходов (7 из 8), в свою очередь, имеет двухзвенную структуру. Примерно в трети формирований участники исполнительского звена (рядовые исполнители) изолированы друг от друга, т.е. действуют самостоятельно и не имеют связи с другими исполнителями. Члены контролирующего звена (активные члены группировки, непосредственно подчиняющиеся лидерам), напротив, изолированы друг от друга лишь в каждом десятом формировании. Чаще изолируются те, кто не относится к этнической группе лидера, не имеет с ним родственных или земляческих связей. Участники одной этнической принадлежности с лидером чаще всего действуют совместно. Члены звена физической защиты действуют совместно практически всегда. Каждое третье такое звено состоит из русских, что, по-видимому, обусловлено связями со «славянскими» преступными группировками.

<sup>5</sup> Уголовное дело № 68631 из архива Октябрьского районного суда г. Барнаула.

В каждом четвертом формировании лидеры имеют с отдельными его членами родственные, в каждом втором – земляческие связи. Участники контролирующих звеньев имеют такие связи еще чаще: родственные – в каждом третьем, земляческие – более чем в половине формирований. Рядовые исполнители имеют родственные связи лишь в каждом десятом, земляческие – в трети формирований. Лидеры и участники контролирующего звена имеют в составе преступной группы близких родственников либо выходцев из одного населенного пункта (т.е. лиц с длительными доверительными отношениями) более чем в трети формирований, а второстепенные (рядовые) их члены – лишь в каждом шестом.

По изученным нами делам около половины лидеров, треть активных и второстепенных членов группировок проживали в России (вне своих национально-территориальных образований) не более 5 лет. Такие лица, как правило, слабо адаптированы к социальной среде страны пребывания, более ориентированы на этнические стереотипы поведения и имеют низкую социальную ответственность перед окружающими. Вместе с тем около 70% из них свободно владеют русским языком (25% – хорошо и лишь около 5% – плохо). Таким образом, подавляющее большинство членов рассматриваемых формирований отлично понимают русскую речь и активно используют это умение в преступной деятельности.

Около трети лидеров и активных членов группировок, каждый шестой из их рядовых участников проживают в местах компактного поселения представителей соответствующих диаспор. В 8% изученных нами дел лидеры проживали в одном жилище с другими членами формирования, активные члены – в 17%, второстепенные – в 8%.

Связи преступных формирований, образованных на этнической основе, достаточно многообразны. Так, В.Г. Гриб, С.А. Ныриков, М.В. Сунцов и А.И. Федотов отмечают следующие их разновидности: направление части преступных доходов на этническую родину; перечисление их в фонды конфессиональных и политических движений; использование в преступных целях легально действующих общин, союзов, организаций, основанных на этнической общности; отношения сотрудничества и взаимопомощи с диаспорами [3, с. 15, 19, 21]. И.Л. Хромов указывает на контакты таких формирований с криминальными структурами у себя на родине, криминальные и родственные связи их отдельных членов за рубежом, использование возможностей «своих» диаспор для легализации криминального бизнеса [9, с. 83–85].

Около 77% исследованных нами группировок поддерживали контакты с территориальным криминальным этническим лидером (63% – той же этнической группы, 16% – другой), 9% – с территориальным «славянским» лидером. Три четверти рассматриваемых формирований поддерживали связи с преступными группами (сообществами) в районе своего действия, более половины – в другом регионе, треть – за рубежом. Три четверти из них имеют

криминальные связи с формированиями, состоящими из лиц этнической группы своего лидера, треть – с представителями другой диаспоры, каждое шестое – со «славянскими» преступными группировками. Около половины имеют коррумпированных сообщников в правоохранительных органах, треть – в судах или в местных органах власти и управления.

Таким образом, можно констатировать высокую интенсивность межрегиональных и международных связей, самостоятельно поддерживаемых отдельными группировками при наличии контактов и с территориальными криминальными лидерами. При этом преобладают криминальные связи между формированиями, лидеры которых относятся к одной этнической группе; число их соответствует удельному весу групп, руководимых одним лидером. Число формирований, имеющих связи с преступными группировками из представителей других диаспор, соответствует совокупному удельному весу этих представителей в контролирующем звене и звене физической защиты. Число формирований, поддерживающих контакты со «славянскими» группировками, соответствует удельному весу звеньев физической защиты, состоящих из русских. Вероятнее всего, указанные контакты осуществляются именно этими лицами.

Поддержание родственных отношений на этнической родине и направление туда части доходов вполне согласуется с сохраняющимися в большинстве диаспор родоплеменными отношениями<sup>6</sup>. Но следует учитывать, что и в самой диаспоре многие члены преступных формирований имеют родственные и земляческие связи. Как и аналогичные связи внутри группы, они более распространены в руководящем и контролирующем звеньях: ее лидеры и активные члены имеют родственников в диаспоре в каждом пятом, выходцев из одной местности – в каждом третьем формировании; второстепенные члены имеют родственников в диаспоре лишь в каждом десятом, выходцев из одной местности – в каждом шестом случае.

Обратные утверждения (об устойчивом сотрудничестве и взаимопомощи этнических диаспор с преступными формированиями), на наш взгляд, напротив, весьма спорны. Конечно, некоторые члены преступных формирований, создаваемых на этнической основе, действительно получают определенную поддержку от представителей «своих» диаспор. Так, в 2005 г. в Новосибирске в ходе расследования дела о причинении вреда здоровью двум предпринимателям (обвиняемые – выходцы с Северного Кавказа) служитель одной из мечетей зарегистрировал брак одного из них и дал показания, что во время нападения тот находился в мечети на обряде бракосочетания. Данное свидетельство было опровергнуто показаниями мнимой «жены», а также родственников «жениха» и «невесты»<sup>7</sup>.

<sup>6</sup> Для большинства диаспор России исторически были характерны отношения родовой, для славян – соседской общины.

<sup>7</sup> Уголовное дело № 12346 из архива Дзержинского районного суда г. Новосибирска.

В ходе расследования преступлений с участием этнически русских чиновников и предпринимателей также иногда выявляется их сотрудничество со «славянскими» преступными формированиями, нередко основанное на земляческих или родственных связях. Но вряд ли можно утверждать, что все свердловчане связаны с уралмашевской группировкой, красноярцы – с группировкой «Норильский никель», а москвичи, в массовом порядке прописывающие в столице членов преступных групп, созданных на этнической основе, сотрудничают с ними. Наши данные скорее указывают на то, что большинство диаспор относится к членам преступных формирований безразлично. При их привлечении к уголовной ответственности часть представителей соответствующей диаспоры оказывает им поддержку, но главным образом стараясь избежать конфликтов, из опасений за личную безопасность либо прямо из корыстных побуждений. Эти мотивы безусловно преобладают над дружественными или родственными чувствами. Отмечаемая многими исследователями криминальная активность преступных группировок в отношении представителей своего этноса также не согласуется с мнением об их взаимной поддержке.

Выделение части преступных доходов в фонды конфессиональных и политических движений, использование в преступных целях легально действующих этнических общин, союзов и организаций характерно лишь для немногих высокоразвитых криминальных объединений. Например, в цыганской диаспоре вообще нет ни конфессиональных, ни политических движений, ни каких-либо союзов. Для большинства группировок типично лишь косвенное использование объектов, создаваемых и поддерживаемых членами диаспоры, – мест компактного поселения, проведения досуга, отправления религиозных обрядов. В основном они нужны им как место дислокации, отдыха, траты денег, полученных преступным путем, но могут также использоваться для обеспечения связи, конфиденциальности, безопасности. Подобные объекты имеются и у «славянских» преступных групп, однако их закрытость (усложненный доступ для лиц титульного этноса) дает дополнительные преимущества членам формирований, создаваемых на этнической основе.

\* \* \*

Описанные выше особенности «этнических» преступных группировок во многом определяют и характер их противодействия следственным органам. Единство языка, культуры, традиций, а также наличие более тесных, чем в славянском этносе, родственных и земляческих связей значительно повышают их сплоченность, устойчивость, закрытость и сопротивляемость внешним воздействиям; в первую очередь это касается руководящего и контролирующего звеньев таких формирований.

Трехзвенная структура большинства группировок, изоляция участников иной этнической принадлежности, не имеющих родственных или земляче-

ских связей с членами вышестоящих звеньев, обеспечивают закрытость наиболее важной информации, снижают вероятность ее несанкционированного распространения внутри группы и утечек за ее пределы. С другой стороны, полиэтнический состав многих формирований (особенно их руководящего и контролирующего звеньев) позволяет использовать внутригрупповые межэтнические противоречия во время следствия.

В большинстве формирований имеются звенья легализации преступных доходов, что дает им возможность привлекать дополнительные ресурсы для противодействия следствию (в первую очередь для подкупа должностных лиц и других его участников). Кроме того, сама изолированность и закрытость этих звеньев усложняет расследование их деятельности. Поэтому нередко возникает необходимость в их подавлении в период расследования не процессуальными (оперативно-розыскными, административными) методами.

Непродолжительное пребывание в России значительной части членов преступных формирований и недостаточная адаптация к социальной среде, преобладание этнических стереотипов поведения создают барьеры, снижающие эффективность методов морального воздействия, принятых в титульном этносе. Совместное проживание в местах компактного поселения «своего» этноса – дополнительный консолидирующий и изолирующий фактор, ограничивающий доступ к значимой информации. Кроме того, это дает возможность быстрой мобилизации в критические моменты.

Знание русского языка при одновременном отрицании этого часто дает подследственным тактические преимущества, в том числе возможность оспаривать значимость важных доказательств (показаний этих лиц, протоколов следственных действий с их участием). Владение языком, непонятным большинству окружающих, упрощает обмен конфиденциальной информацией в устной и письменной форме, ее фиксацию и хранение. Вместе с тем чрезмерная уверенность в недоступности такой информации снижает вероятность применения иных мер ее сокрытия.

Развитые межрегиональные и международные криминальные связи при высокой мобильности членов преступных формирований облегчают им возможность скрываться от следствия, а наличие международных некриминальных связей нередко позволяет делать это независимо от других членов группы.

Родственные и земляческие связи в диаспоре – важный дополнительный фактор поддержки членов преступных групп по месту расследования. Такая поддержка часто компенсирует им ограниченные во время следствия возможности обмениваться информацией, поддерживать криминальные и коррупционные связи, воздействовать на причастных к расследованию лиц, получать доступ к значимым для следствия предметам и документам. С другой стороны, поскольку в это время все указанные связи активизируются, важная информация, обычно сохраняемая внутри формирования, выходит за его



пределы. Ее своевременное отслеживание и фиксация может способствовать изобличению членов преступной группы, нейтрализации их противодействия расследованию. Особое значение имеют попытки задействовать полиэтнические связи, поскольку обмен информацией при этом практически всегда идет на русском языке, что значительно упрощает ее перехват и использование.

## Литература

1. *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. – М.: Логос, 2004.
2. *Геворгян Г.М.* Криминологические проблемы борьбы с этническими преступными формированиями в России: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
3. *Гриб В.Г., Ныриков С.А., Сунцов М.В., Федотов А.А.* Этнический фактор и организованная преступность в России // Проблемы борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом: Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2000. – С. 14–33.
4. Доклад отдела населения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН «Замещающая миграция: дает ли она решение проблем сокращения и старения населения?». URL: <http://www.demoscope.ru/analit03.htm>
5. *Кобец П.Н.* Теоретические основы предупреждения преступлений иностранных граждан и лиц без гражданства в федеральных округах Российской Федерации. – М.: ВНИИ МВД России, 2006.
6. *Смирнова О.Н.* Проблемы расследования преступлений, совершенных этническими группами. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2005.
7. Статистический бюллетень Государственного комитета Российской Федерации по статистике за 1999 г. URL: <http://www.demoscope.ru/analit02.html>
8. *Финкенауэр Дж.О., Уоринг Е.Дж.* Русская мафия в Америке: иммиграция, культура и преступность. – Бостон: Northeastern University Press, 1998.
9. *Хромов И.Л.* Оперативно-розыскные основы борьбы с преступностью иностранных граждан. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности. – М.: ВНИИ МВД России, НИИ ФСИН России, 2006.